ПРИЖИВАЛЬЩИКИ И ПРИЖИВАЛКИ.

Кинь хлѣбъ-соль позади, очутится впереди.
Русская пословица.

Слова «приживальщикъ» и «приживалка» вошли въ употребленіе въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ: въ романахъ того времени клеймили насмѣшкою равно и того, *кто* приживалъ, какъ и того, у *кого* находились эти люди. О приживальщикахъ и приживалкахъ позволю себѣ говорить по впечатлѣніямъ, оставленнымъ во мнѣ съ дѣтства.

Почему въ наше время, т.-е. въ 1883 году, встрѣчаешь на каждомъ шагу цѣлыя семьи и даже людей одинокихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи? Нѣкоторые медленно умираютъ съ голоду и нужды, другіе—самоубійствомъ во всѣхъ его видахъ избавляются отъ жизни, которая становится невозможною, невыносимою.... и оставляютъ за собой исповѣдь, въ которой значится, что нищета, одна нищета — причиной самоубійства? Взгляните: всѣ газеты наполнены этими грустными фактами. Отчего жъ это? Рядомъ, на столбцахъ тѣхъ же самыхъ газетъ, развѣ не видите вы отчетъ за отчетомъ объ открывающихся повсюду или уже открытыхъ всевозможныхъ богадѣльняхъ, пріютахъ, больницахъ, какъ городскихъ, такъ и земскихъ, сельскихъ? Вездѣ процвѣтаютъ благотворительныя общества; по отзывамъ тѣхъ же газетъ, они пекутся неусыпно о нуждающихся. Вслѣдствіе ихъ попеченій, всѣ богадѣльни и пріюты переполнены. И все же этого мало, мало, мало.... И нищета безпомощная, и самоубійства вслѣдствіе нищеты идутъ своимъ чередомъ!

Въ дѣтствѣ и въ юности моей, т.-е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, о подобной *общественной* благотворительной дѣятельности не было и помину, также какъ мало было и тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыхъ въ нынѣшнемъ 1883 году устроено такое множество, не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, даже въ самыхъ уѣздахъ, при волостныхъ правленіяхъ. Не смотря на то, нищеты почти не было нигдѣ, а объ самоубійствахъ, вызываемыхъ ею, и слуховъ не было. Почему такъ? Какая тому причина?

Главная, по моему, причина (а ихъ много) есть та *непроизводителгная* роскошь, о которой не имѣли понятія наши предки. Она стала появляться у насъ въ концѣ 20-хъ, въ началѣ 30-хъ годовъ и,

медленно расплываясь тлетворной гнилью, изъ высшихъ сферъ въ низшія, отравила ядомъ своимъ и самое крестьянство.

Въ чемъ же состояла другая, мною окрещенная *производительною*, роскошь нашихъ предковъ? Въ хлѣбосольствѣ, принимавшемъ во времена оны, если можно такъ выразиться, чудовищные размѣры. Но самою этою чудовищностью наши предки питали тысячи и тысячи голодныхъ, пригрѣвали холодныхъ, одѣвали нагихъ, обували босыхъ. То была роскошь производительная, благотворная. Роскошь же нашего времени—узкая, сухая, эгоистическая.

Да, хлѣбосольны были наши предки, наши отцы и матери. Приведу не столь еще давній, памятный *мнѣ* примѣръ голодныхъ 39-го и 40-го годовъ нашего столѣтія, когда еще существовало крѣпостное право. Это варварское право мнѣ было ненавистно, и то, что́ скажу ниже, говорю *не* въ защиту того безобразнаго, унизительнаго состоянія, изъ котораго извлекла народъ Русскій сострадательная рука незабвеннаго и милостиваго Царя-Освободителя. Описываю дѣло, какъ оно было. Въ 39-мъ и 40-мъ году, какъ извѣстно, былъ повсемѣстный неурожай хлѣба. Всѣ почти помѣщики считали долгомъ, подвергаясь сами всякимъ лишеніямъ, прокормить крестьянъ своихъ; а эти крестьяне, по чувству состраданія, врожденному Русскому человѣку, удѣляли изъ дароваго хлѣба тѣмъ нищимъ изъ сосѣднихъ деревень, чьи помѣщики не считали нужнымъ заботиться о прокормленіи своихъ рабовъ. Мнѣ осталось въ памяти, какъ нашъ сосѣдъ, Е. И. К., въ 1841 году, когда миновалъ уже голодъ и жатва созрѣла обильная, прибылъ изъ Петербурга, гдѣ онъ до того времени проживалъ и, пріѣхавъ къ намъ, съ иронической усмѣшкой сказалъ: «Я пріѣхалъ благодарить «моихъ сосѣдей за то, что *они прокормили моихъ* крестьянъ въ голодный годъ». И точно, никто въ его деревнѣ не умеръ съ голоду, крестьяне прокормились подаяніями сосѣднихъ деревень, и барину не стоили ни гроша.

И такъ крестьяне всегда имѣли кусокъ хлѣба и хотя въ голодные годы въ *иныхъ* мѣстностяхъ питались въ проголодь, но все же питались. Нечего и говорить, что въ сколько нибудь урожайные года крестьяне живали въ довольствѣ.

Что жъ въ то время дѣлалъ пролетаріатъ, тотъ пролетаріатъ, который теперь пробавляется, обкрадывая банки, или, неспособный ни къ работѣ, ни къ воровству, кончаетъ самоубійствомъ? Тогда, какъ и теперь, тотъ изъ пролетаріевъ, кто былъ поумнѣе, потрезвѣе и потрудолюбивѣе, даже не вполнѣ образованный, добывалъ себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ или умственной работой; а тотъ кто ни *къ чему* не былъ способенъ, тотъ всегда находилъ себѣ пріютъ у какого ни-

будь барина-помѣщика, поступалъ къ нему въ такъ называемые приживальщики. Вдовы, сироты, старыя дѣвы и проч. находили всегда себѣ уголокъ въ обширныхъ покояхъ деревенскихъ и городскихъ домовъ, гдѣ *западная роскошь* и *комфортъ*, неизвѣстные нашимъ продкамъ, не выгоняли еще стариннаго Русскаго хлѣбосольства.

Тогда не видать было бархатныхъ ковровъ, причудливой мебели, возобновляемой при каждой перемѣнѣ моды, ни воздушныхъ звонковъ, ни электрическаго освѣщенія *). Не тратились цѣлыя состоянія на платья отъ Pulchérie и Ворта. Парчевые вроброны нашихъ прабабушекъ переходили изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ ихъ кружевами, жемчугомъ, брилліантами и полновѣсной серебряной посудой. Являлись на *ассамблеи* въ однихъ и тѣхъ же платьяхъ и не боялись, что, надѣвъ платье *два* раза сряду, услышатъ изъ устъ знатной особы убійственныя для свѣтской женщины слова: „Votre toillette n'est plus fraîche!" **).

Вмѣсто электрическаго или газоваго освѣщенія, у насъ въ дѣтскихъ горѣли сальныя свѣчи, съ которыхъ нагорѣвшій фитиль мы снимали щипцами; учились мы при этихъ сальныхъ свѣчахъ лучше и выходили грамотнѣе теперешнихъ свѣтскихъ женщинъ. Не говорю объ исключеніяхъ. Мои родители получали ежегоднаго дохода около двадцати тысячъ рублей ассигнаціями. Жили они достаточными людьми, т. е. мы, дѣти, и всѣ служащіе при домѣ были сыты, одѣты, обуты прилично, по времени года тепло или легко, ни въ чемъ не нуждались; тѣмъ же довольствомъ пользовались и семьи нашей прислуги. Родные мои не копили капиталовъ; но у нихъ никогда, до самой ихъ кончины, не было ни грошу долга. Они помогали всѣмъ тѣмъ, кто у нихъ просилъ взаймы денегъ и не брали, конечно, никогда за эти ссуженныя деньги никакихъ процентовъ. Никогда не слыхала я отъ нихъ того, что вездѣ слышу теперь, даже отъ самыхъ богатыхъ людей, т. е. жалобъ на недостатокъ денегъ; никогда не завидовали они тѣмъ, кто былъ богаче ихъ, и изъ тщеславія не тянулись ни за кѣмъ. Пировъ и званыхъ парадныхъ обѣдовъ родные мои *не* давали, а пріѣдетъ кто откушать — милости просимъ! Матушка, проведшая молодость въ высшемъ свѣтскомъ кругу, вышедши замужъ и сдѣлавшись матерью, бросила всѣ знакомства, никуда никогда не ѣздила въ гости, кромѣ *ближайшихъ* родныхъ въ городѣ, а въ деревнѣ за десятки визитовъ платила сосѣдямъ—однимъ утреннимъ визитомъ. Одѣвалась

*) Въ началѣ нашего столѣтія, въ Москвѣ, балы графа Алексѣя Орлова, куда съѣзжалась вся знать, освѣщались *сальными* свѣчами.

**) Ваше платье уже не свѣжо!

она, красивая женщина, очень просто, хотя со вкусомъ; насъ, дѣтей, также не пріучала къ нарядамъ и роскоши.

По зимамъ жили мы въ Москвѣ, квартиру нанимали всегда просторную, теплую, но меблировка ея была самая простая и скромная. На учителей же нашихъ не жалѣли издержекъ. Съ самаго начала брали *лучшихъ*, что̀ тогда значило самыхъ дорогихъ, дабы первое основаніе всякой науки или искусства клалось прочное, и въ послѣдствіи ломки никакой бы не требовалось. Обучались мы, кромѣ роднаго языка, четыремъ живымъ иностраннымъ, а я со старшимъ братомъ и Латинскому, музыкѣ и рисованью.

Лѣто и раннюю осень проводили мы въ деревнѣ; въ Октябрѣ или началѣ Ноября переселялись въ Москву, куда ѣздили въ своихъ экипажахъ и на своихъ лошадяхъ.

Путешествіе наше изъ степной деревни въ Москву продолжалось отъ 5-ти до 6-ти сутокъ; но мы, дѣти, этимъ не скучали, находя развлеченіе въ каждой бездѣлицѣ. Если ѣхали зимой, по *санному* пути *), брали съ собой повара, который, заранѣе, до̀ма, заготовлялъ всякую дорожную съѣстную провизію, а главное—*замороженные щи*, въ которыхъ обыкновенно варилась кислая капуста, клалась говядина, баранина, гуси, утки, индѣйки, куры; потомъ все это вмѣстѣ замораживалось, а на станціяхъ, т. е. въ деревняхъ, гдѣ кормили лошадей днемъ или гдѣ ночевали, отрубали часть замороженной массы, разогрѣвали въ *крестьянской* печи: каждый изъ насъ выбиралъ себѣ изъ щей кусокъ мяса по вкусу. И какъ вкусны были эти щи! Пекли дома, на дорогу, пироги, разные пирожки, приготовляли разную жареную птицу, *вяленыхъ* зайцевъ, поросятъ и проч., которыхъ также разогрѣвали на стоянкахъ. Мы, дѣти, всѣмъ этимъ лакомились, а чтобы коротать время, брали съ собой книгъ, для меньшихъ—карты, чтобъ играть въ дурачки или мельники; тутъ же на станціи, дѣлали изъ соломы бирюльки. Мы, дѣвочки, брали съ собою какую-нибудь работу, вышиванье. Но, ввалившись въ курную избу на обѣденный постой или на ночлегъ, первою нашей заботой было устройство, по возможности, покойнаго, на скамейкѣ, ложа для матери, которая была слабаго здоровья, а тамъ для нашей гувернантки; сами помѣщались, какъ Богъ дастъ, на полу, на соломѣ, прикрытой коврами или на лавкѣ. Лѣтъ десяти я, не раздѣваясь, проспала богатырскимъ сномъ всю ночь, на

---

*) Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ зима становилась ранѣе, чѣмъ теперь. Съ половины Октября былъ уже санный хорошій путь, а въ началѣ Ноября отовсюду тянулись обозы на саняхъ въ Москву.

голомъ полу, а подъ головой была свернутая въ комокъ моя суконная кофточка.

Въ Москву привозили на зиму изъ степной деревни разную провизію для насъ, для прислуги и на кормъ лошадямъ, которыхъ въ городѣ держали шесть. Возили, на время нашего прожитія въ столицѣ, изъ степной деревни: овесъ, муку ржаную, крупу гречневую, масло коровье, птицу битую замороженную; изъ подмосковной: дрова, сѣно, сушеныхъ грибовъ и разную мебель, какъ-то кровати, тюфяки *) и проч. Вся эта мебель, при отъѣздѣ нашемъ въ деревню, увозилась обратно въ подмосковную на крестьянскихъ подмосковныхъ подводахъ, или, если мы уѣзжали въ Мартѣ, послѣднимъ зимнимъ путемъ, то отправлялась частью въ степную деревню съ обратными степными подводами, привозившими хлѣбъ на Болото. Помню, какъ прибыли разъ *сто* подводъ, порожнями, поднимать нашъ домашній скарбъ. Этими подводами пользовалась наша прислуга для отправки своихъ вещей, а иногда и кой-какого бакалейнаго товара, который въ деревнѣ сбывали съ барышемъ и тѣмъ составляли себѣ небольшіе капиталы. Съ этимъ же степнымъ обозомъ отправлялась въ деревню провизія, закупленная въ городѣ на все лѣтнее время, какъ-то: чай, сахаръ, кофе, свѣчи и разная мелочь, потому что въ нашемъ уѣздномъ городкѣ кромѣ дегтя и мыла ничего купить было нельзя. И почта-то приходила туда только *одинъ* разъ въ недѣлю!

При подобномъ образѣ жизни, въ городѣ приходилось покупать для стола только говядину, кой-какую мелочь, да чай, сахаръ, кофе, свѣчи. Расходы по дому не могли сравняться съ тѣми, которые въ 1883 году неизбѣжны по возрастающей съ каждымъ годомъ дороговизнѣ всѣхъ продуктовъ. Съ двѣнадцати лѣтъ, мнѣ, какъ старшей изъ дѣтей, поручено было заказывать повару обѣдъ и вести счетъ расхода по съѣстной части; поэтому мнѣ осталось въ памяти, что въ концѣ 20-хъ годовъ говядина бульонная и край покупались отъ 5 до 7 копѣекъ ассигнаціями, а *самый лучшій* филѐ—по десяти коп. ассигн. Обѣдъ у насъ всегда былъ сытный и отлично изготовленный искуснымъ поваромъ: отецъ не терпѣлъ плохаго кушанья, но обѣдъ стоилъ дешево. Пряности и изысканныя блюда, ради здоровья дѣтей, изгнаны были изъ нашего стола.

И такъ, при отсутствіи роскоши, намъ жилось привольно. Въ деревнѣ и въ городѣ у насъ всегда живало много, такъ названныхъ,

*) Мы, дѣти, всегда спали на тиковыхъ мѣшкахъ, набитыхъ свѣжимъ, сухимъ, душистымъ сѣномъ, которое перемѣняли, когда прежнее сбивалось. Считали эту постель полезною для здоровья.

приживалокъ мужскаго и женскаго пола. Это дѣлалось какъ-то само собою, и мои родные ими нимало ни тяготились. Считались эти личности, у насъ проживающія—*гостями*, никогда *не* служили *ни компаніонами, ни шутами*, а жили будто у себя дома. Всѣхъ не упомню, но двое изъ нихъ врѣзались у меня въ памяти.

Павелъ Петровичъ Поповъ былъ, кажется, пропившійся чиновникъ; откуда и какъ онъ къ намъ попалъ, какого онъ былъ рода, навѣрное сказать не могу. Мы, дѣти, такъ привыкли видѣть его долговязую, уродливую и молчаливую фигуру, что не приходило въ голову освѣдомиться, откуда она взялась. Кажется, онъ когда-то былъ писцемъ у отца моего въ канцеляріи, но, за негодностью къ дѣлу, отставленъ, а въ домѣ остался. Эта его служба, была вѣроятно до моего рожденія, потому что писцемъ я его не помню.

Поповъ былъ нѣчто въ родѣ идіота. Огромнаго роста, старый, дурной собой, съ огромнымъ толстымъ, багровымъ носомъ, нависшимъ черезъ толстыя губы. Носилъ онъ постоянно длиннополый темнозеленый сюртукъ, всегда застегнутый на всѣ пуговицы; шея была повязана засаленнымъ чернымъ шелковымъ платкомъ; бѣлья не было видно; въ высокихъ сапогахъ исчезало его нижнее платье. Когда онъ выходилъ прогуляться, осенью и зимою, надѣвалъ *фризовую* шинель. Зимой онъ впрочемъ мало выходилъ изъ дому, весь день грѣлъ спину у печки въ залѣ и вѣчно молчалъ. Ротъ раскрывалъ онъ только для поглощенія пищи и поглощалъ ея неимовѣрно много. Чай пилъ, обѣдалъ и ужиналъ онъ за общимъ столомъ; кромѣ того всегда завтракалъ и ужиналъ за раннимъ ужиномъ съ нами, дѣтьми. Ни чаю, ни кофе, ни вина, ни конфектъ намъ, дѣтямъ, никогда не давали. Матушка полагала насъ этимъ избавить отъ зубной боли, которой страдала въ молодости. Вмѣсто чаю, намъ въ восемь часовъ утра давали завтракъ, а ужинали мы одни въ шесть часовъ пополудни, и въ восемь ложились спать, не дожидаясь поздняго ужина.

Весной и лѣтомъ Поповъ куда-то днемъ изчезалъ и появлялся только ко времени кушанья. Говорятъ, что въ Москвѣ, весной, онъ проводилъ все время на Каменномъ мосту Москвы-рѣки и, стоя у каменныхъ перилъ, смотрѣлъ, какъ вода подъ мостомъ течетъ. Впрочемъ никто не обращалъ вниманія на то, какъ онъ проводитъ время. Привыкли и къ вѣчному его молчанію. Ра́зъ онъ заговорилъ. Къ намъ пріѣхалъ врачъ; всѣ сидимъ въ гостинной. Подходитъ къ врачу Поповъ. «Позвольте-съ у васъ спросить совѣта-съ?»

— Что̀ такое?

«Да вотъ что. Когда я ѣмъ *кислую* капусту или *соленые огурцы*, то у меня всегда послѣ болитъ-съ животъ-съ».

Врачъ пристально на него посмотрѣлъ и очень серьозно ему отвѣчалъ: «Такъ *не* ѣшьте ни кислой капусты, ни соленыхъ огурцовъ».

Поповъ смолкъ. Съ тѣхъ поръ не помню, чтобъ онъ когда либо вмѣшался въ какой либо разговоръ. Такъ прожилъ онъ у моего отца до самой своей смерти, лѣтъ двадцать, если не болѣе. Съ нами онъ ѣздилъ въ Москву, съ нами возвращался въ деревню. Какъ себя помню, такъ и его. Я уже была замужемъ и матерью семейства, какъ онъ все еще жилъ у моихъ родныхъ.

Другой, приживавшій у насъ, былъ полковникъ С. Ему въ 1830 году было лѣтъ за шестьдесятъ. Въ то время слѣдовъ красоты на немъ видно не было; онъ былъ высокаго роста, плечистый и полный, съ военной осанкой; носилъ очки, волоса были жидкіе, сѣдые, бороду и усы брилъ. Отъ своего отца, во время оно, онъ наслѣдовалъ триста душъ крестьянъ, хорошее имѣніе, которое прожилъ на царской службѣ. Матушка знавала его двухъ сестеръ, двухъ красавицъ, которыя выѣзжали въ свѣтъ въ высшемъ кругу, были гораздо старше моей матери и скончались дѣвицами. С. былъ караульнымъ офицеромъ во дворцѣ въ ту самую ночь, когда скончался Императоръ Павелъ Петровичъ. Но такъ какъ его вѣрность Царю была извѣстна, то его тутъ же смѣнили и поставили на его мѣсто другаго. «Я очень удивился, разсказывалъ С., что вдругъ ни съ того ни съ сего приказали смѣнить караулъ. Конечно я повиновался начальству. Не зналъ я! Не зналъ! Кабы зналъ, не ушелъ бы, не послушался бы, и все вышло бы иначе.» «И теперь, продолжалъ онъ, смѣясь, я былъ бы графъ С., и было бы у меня десять тысячъ душъ крестьянъ!»

А всего оставалось у С., когда я его знала, *двѣ* крѣпостныя души, камердинеръ Африканъ и кучеръ *Зима*. Это послѣднее названіе было вѣроятно *прозвище*, не имя, но другаго онъ не носилъ. Была еще у С. бричка, тройка лошадей и пять борзыхъ собакъ. Съ ними онъ пріѣхалъ въ гости къ моему отцу, съ ними и остался у него жить, и жилъ почти до самой смерти. Говорю *почти*, потому что, недѣли за три до кончины, онъ вздумалъ вдругъ ѣхать въ гости къ какому-то знакомому помѣщику въ сосѣдній уѣздъ, тамъ заболѣлъ и умеръ.

С...у была въ домѣ отведена особая комната, гдѣ онъ обыкновенно оставался до обѣда, который у насъ подавался въ первомъ часу пополудни. Къ нему въ комнату носили утренній чай. Когда онъ не ѣздилъ на охоту, то проводилъ до обѣда время въ обществѣ слугъ и собакъ. Охотникъ псовый онъ былъ страстный, но несчастливый: большею частью, не смотря на обиліе въ то время всякаго звѣря, онъ почти никогда ничего не затравитъ и возвращается въ страшно-дурномъ духѣ, станетъ у печки, нюхаетъ табакъ и со-

питъ. Не смѣй въ эти минуты никто съ нимъ заговаривать: обругаетъ! Мы, дѣти, это знали и удалялись отъ него. Избави Богъ, если кто въ такой день у него спроситъ: «Чтó ваша охота, полковникъ?» или «чтó вы нынче затравили?» Кажется, онъ всякаго вопрошающаго избилъ бы въ лоскъ, а силища у него была страшная. Въ другое же время онъ былъ до нельзя добродушенъ.

Любилъ С. играть въ вистъ и нерѣдко по вечерамъ игрывалъ съ моимъ отцемъ и гостями-сосѣдями. Игралъ онъ, какъ говорили, очень плохо и за вистомъ всегда сопѣлъ и сердился. Мы, дѣти, родные мои и прислуга всегда обращались къ С. съ уваженіемъ; но бѣда ему была, когда пріѣзжалъ къ партіи виста отличный вистовой игрокъ, уморительно-остроумный нашъ сосѣдъ О. О. К—ъ, также довольно пожилой человѣкъ. Онъ за вистомъ не щадилъ С. и донималъ его своими насмѣшками до того умными и тонкими, что тотъ большею частью ихъ не понималъ, а, понявъ въ половину, не умѣлъ съ нимъ поквитаться. Бывало, К—ъ, который открыто не смѣлъ, при моемъ отцѣ, смѣяться надъ старымъ воиномъ, его гостемъ, выскочитъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, изъ-за карточнаго стола и прибѣжитъ къ намъ, взрослымъ дѣтямъ, задыхаясь отъ сдержаннаго смѣха и разскажетъ намъ то, чтò происходило во время игры, а С...ъ пока сидитъ, нюхаетъ табакъ, сопитъ пуще прежняго, повторяя: «Не понимаю, не понимаю!» Матушка придетъ къ намъ, бранитъ К...а, а тотъ извиняется.

«Помилуйте, Ольга Васильевна, право силъ нѣтъ, невозможно!»

Ѣзжалъ С. съ отцемъ моимъ въ отъѣзжее поле охотиться. Конечно всѣ издержки во время ихъ охотничьихъ странствованій на гостя, на его людей, лошадей и собакъ дѣлались на счетъ моего отца, который находилъ это совершенно естественнымъ, и никогда объ этомъ разговора не было. Мнѣ это припомнилось только теперь, въ 1883 году, когда жизнь наша, помѣщичья, по освобожденіи крестьянъ, совершенно измѣнилась: у самыхъ мягкосердыхъ встрѣчаются еще приживалки, но онѣ уже составляютъ исключеніе.

Одинъ только случай поразилъ моего отца, и онъ при мнѣ разсказалъ матери. «Вообрази, душа моя, когда мы послѣдній разъ уѣзжали на охоту, и С. сѣлъ ко мнѣ въ тарантасъ, вижу у него съ «собой нѣтъ ни сакъ-вояжа, ни чемодана. Я ему говорю: что жъ вы «съ собой ничего не берете?»—Да чтó же брать?—«Да бѣлья?»—Я рубашку нынче смѣнилъ. «Вѣдь мы ѣдемъ недѣли на три.» — *Поэтому-то* мнѣ ничего и не нужно. «Каковъ? Три недѣли въ одной и той же рубашкѣ!»

Разъ какъ-то С...а укусила въ ногу собака, на которую онъ въ темнотѣ нечаянно наступилъ. У него на ногѣ открылась рана. Какъ

ни уговаривали его мои родные обратиться къ медику, онъ и слушать не хотѣлъ и лѣчилъ ногу, прикладывая на рану какую-то свою мазь. Рана разбаливалась все болѣе и болѣе. С. сильно сталъ хромать. Не смотря на то, онъ поѣхалъ съ отцемъ моимъ въ отъѣзжее поле. Проѣздили дней десять. С. пересталъ хромать. Отецъ у него спрашиваетъ. «Чтó ваша нога?» — Гораздо лучше, говоритъ. «Ну, и слава Богу!»

«На какой-то днёвкѣ (когда даютъ отдыхъ собакамъ и лошадямъ), вспомнилось мнѣ, разсказывалъ впослѣдствіи отецъ, что ты, Оля, мнѣ дала на дорогу яблочнаго варенья. Говорю Андрею *): «Подай-ка мнѣ, братецъ, моего яблочнаго варенья.» Подаютъ мнѣ какую-то мерзость, грязь, въ банкѣ.» «Это чтó?» спрашиваю. – Яблочное варенье. «Врешь ты! Какое это яблочное варенье?» — Другаго нѣтъ-съ. «Навожу справки. Оказывается, что мнѣ подали банку съ С...ой мазью; а мое варенье онъ подхватилъ ошибкой, да измазалъ на свою рану. И зажила, вѣдь, она! Я мазь его велѣлъ такъ далеко закинуть, чтобъ она ему больше на глаза не попадалась, и запретилъ говорить объ его ошибкѣ. Такъ онъ и остался въ увѣренности, что залѣчилъ рану *своей* мазью!

Живали у насъ и барышни, сироты-сосѣдки, которымъ матушка сама давала уроки. Но къ этимъ личностямъ матушка относилась болѣе критически и съ разборомъ, такъ какъ боялась для насъ вреднаго вліянія женскаго общества. Въ послѣдствіи, когда я вышла замужъ и сдѣлалась матерью семейства, матушка мнѣ не разъ повторяла: «Бойся для дочерей своихъ *не* общества молодыхъ мужчинъ, а общества *дѣвушекъ-подругъ*! Онѣ въ *тысячу разъ опаснѣе* для нравственности.»

Я всегда помнила эти слова и, чѣмъ болѣе живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ихъ истинѣ. Дочерямъ своимъ завѣщаю ихъ помнить и поступать по нимъ, также какъ и я поступала.

И такъ, вышеописанное мною гостепріимство, это гощеніе, продолжавшееся по нѣскольку десятковъ лѣтъ **), до того было свойственно нравамъ и обычаямъ прошлаго и первой половинѣ нашего столѣтія, что не считалось вовсе благотворительностью ни хозяевами, ни гостящими. Тоже, чтó у насъ, помѣщиковъ средняго состоянія, творилось и у болѣе богатыхъ баръ, но въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ. Изъ тысячи примѣровъ приведу одинъ. Я слышала изъ достовѣрныхъ

---

*) Камердинеръ отца и стремянной его.

**) Отецъ мнѣ разсказалъ, какъ къ одному знакомому помѣщику пріѣхалъ разъ, какъ С. къ намъ, гость съ людьми и лошадьми своими, пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и остался у него *сорокъ* лѣтъ, до самой своей смерти.

источниковъ, что графъ С. Г. Строгоновъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа, *ежегодно* тратилъ до *двухъ сотъ тысячъ* ассигнаціями на разныя пенсіи и вспомоществованія нуждающимся. Какъ же не назвать этого *производительной роскошью?*

Одно обстоятельство было, конечно, отличительной чертой моихъ родителей. Они требовали, чтобы мы, дѣти, прислуга въ домѣ и наѣзжающіе гости уважали *проживающихъ* у насъ гостей, отъ которыхъ не требовали никакихъ угожденій.

Мой меньшой братъ, лѣтъ одиннадцати, былъ большой шалунъ. Разъ, за партіей въ дурачки съ идіотомъ Поповымъ, онъ за что-то съ нимъ повздорилъ и ударилъ его. Шалости брата часто проходили безнаказанно, но за этотъ проступокъ его больно высѣкли и заставили у Попова просить прощенія.

Старушка изъ степи.